

УДК 811.161.1-3

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР СЛУШАТЕЛЯ В РЕЧЕЭТИКЕТНЫХ ЖАНРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ РЕЧИ)

Пивоварчик Т. А.

У статті аналізується роль слухача як третьої особи в організації мовленнєвої ситуації та побудови мовленнєвого висловлювання, описуються типи слухачів і мовні способи позначення чинника слухача в формулах мовленнєвого етикету.

Ключові слова: мовленнєвий етикет, мовленнєво-етикетний жанр, прагматика, фактор третьої особи, слухач.

В статье анализируется роль слушателя как третьего лица в организации речевой ситуации и построении речевого высказывания, описываются типы слушателей и языковые способы обозначения фактора слушателя в формулах речевого этикета.

Ключевые слова: речевой этикет, речевэтикетный жанр, прагматика, фактор третьего лица, слушатель.

The article examines the role of the listener as a third person in the organization and construction of the speech situation speech statement, describes the types of listeners and linguistic forms of the designation listener factor in the formulas of speech etiquette.

Key words: speech etiquette, etiquette genre, pragmatics, factor of third person, listener.

1. К постановке проблемы. Коммуникация организуется в различных речевых ситуациях, типовыми формами воплощения которых являются речевые жанры со своими правилами и нормами ролевых и статусных взаимоотношений коммуникантов. "Понятие речевого жанра коррелирует со стереотипными ситуациями и темами общения, отложившимися в "шаблоны быта" (Якубинский), а в языковом сознании во фреймы – знание схем и моделей повторяющихся деятельности" [8, с. 10]. Рассмотрение фреймовой структуры ситуаций близко к "анкете речевого жанра", среди вопросов которой есть и позиции "образа автора" и "образа адресата" [9]. Речевые жанры, в том числе их персональные компоненты, являются объектом всесторонних исследований (достаточно, например, упомянуть выходящий с 1997 г. серийный сборник Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского "Жанры речи"), при этом наибольшее внимание всегда уделялось адресанту и адресату.

Цель данной работы заключается в определении коммуникативной роли слушателя (присутствующего, но не участвующего в разговоре "третьего лица") в регулировании взаимоотношений и взаимного поведения адресанта и адресата в речевэтикетных ситуациях, а также в описании моделей и правил, регламентирующих особое поведение в присутствии третьего лица, и их этнокультурных особенностей.

2. Коммуникативные роли и персонализация участников речевой ситуации.

Коммуникация возможна только благодаря постоянной смене коммуникативных ролей, являющихся переменными характеристиками для каждого говорящего и различающимися по их приоритетности. В данной работе принята следующая схема приоритетов: адресант – коммуникативный приоритет 1; адресат – коммуникативный приоритет 2; третьи лица (в том числе слушатель) – коммуникативный приоритет 3. Несмотря на то, что отмеченная выше схема приоритетов устойчива и верна в своём обобщённом виде, каждый новый говорящий заново распределяет приоритеты ролей внутри ситуации: он может таким образом строить ситуационное взаимодействие, чтобы приоритет сохранялся у него (говорю сам, не даю вступить в разговор другим), передавался

другим участникам или неучастникам ситуации (например, речевой акт вопроса, предполагающий ответную активную позицию адресата, занятие им роли говорящего) и т.д. Этические и этикетные нормы социума обычно требуют минимального “выпячивания” говорящим своего “я”, приуменьшения зоны своего влияния в речевом пространстве в пользу адресата, а в ряде случаев и в пользу третьих лиц.

Вундерлих Д. в структуре речевой ситуации выделяет следующие персональные компоненты: говорящий; собеседник; пресуппозиция говорящего; пресуппозиция собеседника; общественные отношения между говорящим и собеседником; взаимоотношения между говорящим и собеседником, устанавливающиеся в данном высказывании [6, с. 9 – 10].

Проведенный нами анализ различных речезыкетных ситуаций позволяет выделить следующие персонализационные признаки, дифференцирующие данные ситуации и соответствующие им жанры:

- общая направленность ситуации на одного из говорящих;
- степень соотнесенности пропозиции высказывания с личной сферой каждого из участников ситуации;
- список выполняемых участниками ситуации вторичных коммуникативных ролей;
- обусловленность / необусловленность развития ситуации социальным статусом, рангом, социальным положением одного из коммуникантов;
- влияние регламентных, институционализированных, этикетных норм ситуации на соотнесенность говорящих;
- развитие ситуации в пользу того или другого ее участника, а также в пользу сразу нескольких участников;
- учет позиций, мнений, интересов участников/неучастников ситуации.

3. Прагматический фактор слушателя как третьего лица в речевой ситуации.

Под третьими лицами в работе понимаются а) реальные слушатели, активно не участвующие в РС, но присутствующие при ней, б) лица отсутствующие, но косвенно влияющие на характер протекания ситуации (т.н. фантомные (термин Т. М. Николаевой), или виртуальные, коммуниканты). Для взаимопонимания собеседников часто бывает важно “прочитать” мнение третьего лица, соотнести его с мнением каждого из участников речевой ситуации и определить цели включения еще одного (стороннего) голоса в общение. Роль третьего лица в развитии речевых ситуаций и в построении речевых жанров отмечалась в работах М. М. Бахтина, А. К. Жолковского, В. З. Демьянкова, И. В. Труфановой, Д. В. Богушевича и других.

Постановка в центр речевой ситуации третьего лица, фокусирование внимания говорящего на третьем лице смысловым наполнением диктумной или модусной частей высказывания всегда коммуникативно и прагматически значима именно в силу периферийности этой коммуникативной роли [4]. Показателен сам факт предпочтения среди вариантных стереотипных высказываний формулы с реализованным фактором третьего лица.

Слушатель (присутствующее третье лицо) отличается от адресата тем, что только от последнего ожидается ответ: “информация, сообщаемая говорящим в высказывании, может предназначаться для всех участников речевого акта, в то время как перлокутивная реакция может ожидаться только от одного или нескольких из них” [2, с. 21].

В свою очередь слушатели различаются между собой по степени их потенциальной активности, по степени учета говорящими их присутствия, по желанию самих присутствующих включиться в речевую ситуацию и т.д. Например, возможны две основные линии поведения адресанта в отношении слушателя: 1) ‘не хочу, чтобы о ситуации знали, чтобы в ситуации участвовали другие лица’: *Зачем об этом говорить при N; Не надо при посторонних; Не при N будь сказано* и т.д.; 2) ‘хочу, чтобы слышали, включились в разговор, повлияли на него’: *При N тебе говорю!; Пусть все слышат!*

Названные выше критерии позволяют выделять следующие типы слушателей:

- санкционированный / несанкционированный (т.е. подслушивающий);
- заинтересованный/ незаинтересованный в течении речевой ситуации;
- запланированный/ незапланированный (случайный, невольный);
- обязательный / необязательный;
- с высокой / с низкой степенью активности;
- желательный/ нежелательный (для адресанта или адресата) и т.д.

Каждая из представленных пар отражает оппозицию верх/низ – оппозицию “сильного” (левый член пары) и “слабого” (правый член пары) слушателей.

Типовое разнообразие присутствующих третьих лиц находит свое отражение в языке:

— в наличии разных слов для их обозначения: *слушатель, свидетель, наблюдатель, зритель, аудитория, публика* и т.д. (бел. *слухач, сведка, назіральнік/наглядальнік, аўдыторыя, публіка/грамада*);

— в грамматической структуре формулы: рус. *говорить при свидетелях; говорить в присутствии свидетелей; говорить на глазах у свидетелей*; бел. *гаварыць пры сведках; гаварыць на сведках; гаварыць у прысутнасці сведак*; но рус. *говорить перед слушателями*; бел. *гаварыць перад слухачамі*. Предлоги *при* (‘возле’, ‘сбоку’, ‘вспомогательное’) и *перед* (‘непосредственно обращено’, ‘для / ради кого’) показывают возможные различия в значимости и санкционированности присутствующих третьих лиц.

Слушатель, в отличие от свидетеля, – это запланированный, обязательный, очень важный для адресанта участник речевой ситуации, с высокой степенью включенности в ситуацию: он сознательно и намеренно активен, обращает свое внимание на разговор, чтобы услышать. *Свидетель* – тот, кто мог что-либо слышать, стать носителем знания о некотором событии; ситуация свидетельства в значительной степени случайная – так сложились обстоятельства. Если информация, передаваемая адресату, хоть в малейшей степени, но рассчитана на слушателя, то часто свидетель как раз не должен был получить информацию.

К типу обязательного и запланированного слушателя следует отнести публику. В публичном общении есть свои темы (обычно общественно значимые), свои речевые ситуации (напр., дебаты в парламенте), свои жанры (“публичные” речи, открытые письма). Выделяется и особая – публичная – дистанция, для которой выбор средств речевого взаимодействия строго ограничен [3, с. 7-8]. В содержании и форме речи может быть выявлена ориентация даже на “подслушивающего”, адресат оказывается мнимым.

Поведение собеседников меняется при обнаружении ими внимания слушателей: “...Славка тоже выделил ее из всех, переговаривался с ней через стол. Сперва так – о чем попало, а тут так вдруг интересно заговорили, что все за столом **смолкли и слушали их**. – Хорошо, хорошо, – говорил Славка, **улавливая ухом, что все его слушают**, – мы – технократия, народ... сухой, как о нас пишут... <...> Да, но за фактом подчас стоят не менее конкретные живые люди, – возразила на это Клара, **тоже улавливая ухом, что все их слушают**” (В. Шукшин).

Прагматический фактор слушателя связан с наличием норм поведения “при своих”/ “дома” и “на людях”/ “в людях”/ “при людях”, что нашло отражение и во фразеологии: рус. *Не будь в людях приметлив, будь дома приветлив; В людях Ананья, а дома не найдешь (а дома каналья); В людях Илья, а дома свинья*; бел. *Рабіў як на людзях (добра, з пачуццём адказнасці)*. Примеры интерпретации отмеченного коммуникативного правила носителями языка отмечаются в художественной литературе: рус. (братья) *Мы ведь родня как-никак. Да и на виду у людей, при должностях* (В. Астафьев); бел. (свекровь невестке) *Няхай палюбуюцца добрыя людзі, як мы гуляем* (М. Гарэцкі).

Существует набор правил, регламентирующих особое поведение в присутствии третьего лица, среди которых можно выделить:

– ограничения на вступление в разговор с адресатом в присутствии третьего лица, если факт разговора может скомпрометировать адресата или адресанта в глазах третьего лица: рус. *Дворник был настолько тактичен, что*

никогда не заговаривал со мной **при хозяевах**, чувствуя, что этим он поставил бы меня, да и себя, в неловкое положение (М. Горький);

– в ситуации с четко распределенной функционально-ролевой иерархией запрет на поведение, которое бы разрушало ролевой образ стоящего выше: офицера в глазах солдат, преподавателя (учителя) в глазах студентов (учеников); в этом запрете отражаются устойчивые представления о правильном ролевом поведении: бел. (офицеры) **З дакорам сказаў: – Як вам не сорамна. Пры салдаце паказалі сябе дурнейшым за яго** (У. Караткевіч);

– требование соблюдения правил ситуационно-ролевой иерархии, например, роль гостя считается выше роли хозяина, с чем связаны нормы поведения при госте: рус. **Экой срам-то...– бормотал старик. – При гостях-то! Грех какой!** (А. П. Чехов); **Это невежливо, при гостях... При гостях невежливо о секретах разговаривать** (Ф. Сологуб);

– учет степени “чуждости”, “не-свойскости” слушателя (одно из правил – не выносить сор из избы): рус. **Ставил новоприезжего парня в пример иным женщинам. Да и сам подтягивался в его присутствии, не матершинничал, не лютовал** (В. Астафьев); бел. **Глядзі, сыне. Песня таемная. Не пры ўсіх нават сваіх можна** (У. Караткевіч);

– требование соблюдения собеседниками этических норм (“нельзя осуждать других”, “нельзя говорить плохо о присутствующих”): рус. **Ты бы лучше руки с песком да с мылом оттер. Чисто чухонец, прости господи!** (В. Астафьев); **Да и беспонятный же (ты) мужик, прости царица небесная!** (А. П. Чехов); – **Если у нас ставятся пьесы, больше похожие на оперу... – начал было Романус, но спохватился, что автор сидит тут же, и продолжал, исказив свое лицо улыбкой в мою сторону, – что и правильно! Ибо наш автор понимает все значение музыки в драме!** (М. Булгаков); бел. **Як жа вам спадабаліся гэтыя, не пры людзёх кажучы, вучоныя?** (Я. Купала); **Шануючы Бога і людзей добрых** – “объяснение своего воздержания от резкого слова или поступка” [1, с. 455]; **Шануючы старых людзей, скажу табе; – А во прышоў са Сцяпанам пагаманіць. Даўно не бачыў яго... – Што, са Сцяпанам? А што ты з гэтым прыдуркам зюкаць будзеш? У яго ж не ўсе дома. – Рукавок гаварыў такое пра Сцяпана, быццам яго і не было тут** (Я Сіпакоў);

– заполнение лакуны авторитетного слушателя, способного оценивать речевые действия собеседников, указанием на т.н. фантомного слушателя: рус. **Как начнет экономка на кого кричать, как поднимет визг, так хоть святых выноси** (А. П. Чехов); бел. **Цудоўна баўлю я сённяшні дзень з добрымі суседзямі: нашы размовы не абражаюць Бога** (Я. Баршчэўскі); **Пашануйся святого вобраза! Што ты гаворыш?**;

– гендерные и возрастные табу на речевое поведение: рус. – **И в наш поселковый магазин бычков в томате привезли, – вздохнул Павел Егорович, – и эту, как ее? Вот уж при женщине и сказать неловко, бледугу какую-то** (В. Астафьев); **Отдельной застольной шуткой, от которой никак не могли удержаться рыбаки, шло в прокат слово “уха” – уж такое это слово, что со всеми другими словами само собой вяжется. – Дети кругом, – укоризненно качала головой Касьянка, указывая ложкой на малышей** (В. Астафьев).

В ряде речевых формул фактор слушателя намеренно эксплицируется: 1) в речевых актах упрека, увещевания, негации, где слушатель представлен как авторитетный субъект оценки: рус. **Вы свою ответственность перед народом понимаете? Народ сил своих не жалеет – трудится, а вы – со свадьбой затеетесь** (В. Шукшин); бел. **Мамаша, выехалі з гэтым сваяцтвам, як з козамі на торг! Перад маімі гасцямі ўсю мне рэпутацыю папсавалі** (Я. Купала); **За што ты мяне ганьбіш, зганьбіў перад людзьмі?** [7, с. 52]; 2) в речевых актах обещания, заверения, в которых слушателю отведена роль субъекта, способного подтвердить чистосердечность, невиновность, правдивость адресанта: бел. **Вой, хай людзі збяруцца, хай перад імі страляюць, а я скажу, што невінаваты** (У. Ліпскі); **А я нават скажу перад усімі калгаснікамі. Пабажуся табе, што скажу!** (С. Баранавых).

На основе третьеличного прагмазначения в системе комиссиров сформировался речевой жанр божбы, где языком выработаны специальные идиомы с “присутствием” Бога в качестве фантомного слушателя [5]: рус. *Ей-богу!*; *Вот те Бог!*; *Истинный Бог!*; *Видит Бог!*; *Вот как перед Богом!*; *Клянусь (истинным) Богом!* и т.д.; бел. *Далібог!* (*Дальбог!*; *Дальбо!*); *Даліпан!* (*Даліпантачкі!*); *Яй-богу!*; *Ісцінны Бог!*; *Як бог свят!*; *Перад тварам Бога!*; *Як перад Богам клянуся!* и т.д. Например: рус. **Видит Бог**, я люблю родину, люблю нежно (А. П. Чехов); **Обещаюсь самим Богом** воротиться в темницу (И. А. Бунин); **Я лишу тебя наследства – клянусь истинным Богом!** (А. П. Чехов); бел. *Наце, шукайце. Далібог жа нічога няма. Далібог не схаваў нічагутка* (М. Зарэцкі); *Мы стараемся, вяльможны пане... Езу-Марыя нам сведкамі, як мы стараемся... Мой метад самы правільны, як Бог свят* (З. Бядуля); **Сам Бог бачыць, што неадкуль узяць** [1, с. 102]; *А як ён мамцы ідзе да твару: Даліпантачкі, хоць да шлюбу мамку вяззі!* (Я. Купала).

Участник речевой ситуации может намеренно выбирать для себя роль слушателя, чтобы подчеркнуть свое почтение к говорящим, готовность со всем соглашаться и беспрекословно выполнять указания, свою скромность и т.д.

Слушатели – это одновременно и потенциальные, планируемые адресаты: следующий речевой акт может быть обращен к ним. Адресант может требовать от слушателей активного включения в разговор, а также оценки речи и поведения адресата, солидарной с оценкой адресанта и т.д. Например: рус. *Он жаловался на старосту и то и дело оборачивался к мужикам, как бы приглашая их в свидетели* (А. П. Чехов); *Зычным голосом, стараясь, чтобы слышали рабочие, с любопытством скопляющиеся у рамы, Романус говорил, что Стриж затолкал музыкантов в карман сцены* (М. Булгаков); бел. (бывшие соседи) – *Рыгорка! Як жа ты гадуешся? // Звярнуўшыся да тых незнаёмых, гаварыў: – Можна сказаць, свае людзі* (С. Баранавых). При “двойной” адресации слушатель выступает в качестве вторичного, косвенного адресата, определенная часть информации предназначена ему. Такой прием используется адресантом:

– для опосредованного влияния на поведение адресата: рус. – *Что же это, братцы, такое? – обратился Тимофей Васильевич к публике. – С родного дяди требует* (М. Зощенко); бел. (большая жалуется на невестку, присутствующую при разговоре): *Як маецеся? – Як даглядаемса, так і маемса. Хварэю, Яначка* (В. Адамчык);

– для сохранения своего (адресанта) позитивного образа перед третьими лицами: рус. (водитель при появлении начальника переходит в общении с односельчанином с ты на Вы) – *Значит, брезгуешь моим угощением? – Что вы, гражданин Парасковьян, привязались? – возвысил голос Кирька, заметив, что из правления выходит председатель колхоза. – Сказано вам – на работе я, за рулём* (В. Астафьев); бел. *Доктар якраз у той час гладзіў Алю па ручцы і ласкава супакойваў яе, кажучы ёй і каб чуў бацька: – Нічога, нічога, маё дзетка: маленькая хваробка. Трэба супакойца, выпіць мае мікстуркі* (М. Гарэцкі).

С фактом присутствия слушателя связано явление смещенной адресации: сообщение адресуется не столько собеседнику (хотя такая направленность высказывания подтверждается его лексической и грамматической структурой), сколько находящимся рядом людям. Необходимость в смещенной адресации возникает у говорящего в том случае, если прямое обращение к третьим лицам может иметь для него негативные последствия или может разрушить его речевой образ. Поскольку в традиционной славянской культуре прямые комплименты избегаются из-за подозрения в неискренности чувств говорящего, то высказывание комплимента нередко проходит в виде обращения к другому лицу: (приветствие) *Мама, ты толькі паглядзі, хто да нас завітаў!* (импликация: ‘Вы очень дорогой, долгожданный гость’); (упрек) *–Позна спіце, таварыш рэжысёр, – па-свойску, з адценнем гэткага бацькоўскага ўшчування, загаварыў ёе, прыкладаючыся губамі да Любінай рукі. – Так некалі можна праспаць і сваё шчасце...* (А. Асіпенка) (импликация: ‘Вы, Люба, настоящее счастье’).

4. Выводы. Коммуникативные роли являются базовыми признаками, определяющими соотношенность участников речевого процесса, но взаимоотношения собеседников строятся на пересечении их коммуникативных ролей с актуализируемыми в речевой ситуации вторичными коммуникативными ролями, социальными, функциональными, ситуационными ролями и т.д. Отсылка к мнению третьего лица и оглядка на третье лицо (в том числе слушателя) при определенных ситуационных условиях становятся прагматическим фактором, с одной стороны, обеспечивающим “заполненность” некоторых слотов во фреймовой структуре речевой ситуации, а с другой, выстраивающим определенный тип соотношенности коммуникантов.

Литература

1. Выслоўі / [Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынблата. Рэд. тома А. С. Фядосік]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
2. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск, 1992. – 217 с.
3. Минина О. Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно-прагматический аспект / О. Г. Минина. 10.02.04. Автореферат. ... кандидата филол. наук. – Белгород, 2000. – 15 с.
4. Пивоварчик Т. А. Фактор третьих лиц в стереотипных высказываниях: прагматические возможности и речевые реализации / Т. А. Пивоварчик // Стратегии коммуникативного поведения: Материалы докладов Междунар. науч. конф., Минск, 3-4 мая 2001 г.: В 3 ч. / МГЛУ. – Минск: МГЛУ, 2001. – Ч.2. – С. 76-81.
5. Піваварчык Т. А. *Бог і Людзі* як фактар трэціх асоб у персаналізацыйнай структуры беларускіх маўленчаэтыкетных сітуацый / Т. А. Піваварчык // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. – 2000. – № 3(5). – С. 139-145.
6. Рахимов С. Речевая коммуникация и проблема дейксиса в разносистемных языках / С. Рахимов. – Ташкент: Изд-во “ФАН”, 1989. – 90 с.
7. Станкевіч Я. Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак фразеолёгічны і прыказкаў ды прывітаньні, зычэньні і інш. / Я. Станкевіч / 3-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 77 с.
8. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи / И. В. Труфанова. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. 10.02.01. – Нижний Новгород, 2001. – 41 с.
9. Шмелева Т. В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) / Т. В. Шмелева // *Russistik Русистика*. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin. – 1990. – №2. – С.20-32.